

Авенир Декабрист

*Звери не
меняют своей
облик*

Авенир Декабрист

Звери не меняют свой облик

«Издательские решения»

Декабрист А.

Звери не меняют свой облик / А. Декабрист — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931997-5

Учёный непреднамеренно совершает эксперимент. Содеянное превращает его жизнь в бесконечную тягостную драму, ведь последствия непредсказуемы. Друзья журналисты помогают разыскивать человека, ставшего «объектом», и считают происходящее ироническим детективом.

ISBN 978-5-44-931997-5

© Декабрист А.
© Издательские решения

Содержание

1. Тайга	6
2. ГМ	8
3. Штаб	11
4. «Э»	12
5. Исчезновение	15
6. Доверительность	17
7. Дачи	20
8. Часть	22
9. Рябина	25
10. Тупик	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Звери не меняют свой облик

Авенир Декабрист

© Авенир Декабрист, 2018

ISBN 978-5-4493-1997-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Тайга

Непривычные по утрам звуки мешали, требуя ответной реакции, и Ефим приоткрыл глаза. Машинально глянул на часы: они показывали шесть тридцать – в это время он обычно вставал, если планировал продуктивно провести день. Посмотрел по сторонам, а голова никак не хотела соображать. Задай ему сейчас вопрос «кто ты?» – вряд ли ответил бы. Через несколько минут сознание слегка прояснилось, и он начал не совсем осмысленно оглядываться. Его окружали высокие деревья, между ними свободное место занимал кустарник вперемежку с валежником. Местность напоминала ему бардак, творившийся сейчас в голове. В пьяном виде Ефима – если он ещё что-то соображал – постоянно мучила виртуальная головомка: казалось, будто он собирает довольно простую конструкцию из нескольких мелких предметов, а они никак не соединяются в единое целое. Вот и сейчас эти маленькие детальки вертелись перед глазами на фоне дикой тайги. Звуки, разбудившие его, издавали птицы.

В сознании отложилось первое понятие, говорящее об окружающей обстановке – «тайга». Итак, Ефим осознал своё местонахождение, и это сразу же подстегнуло мозг на более продуктивную работу. Отвратительное самочувствие заставило вспоминать предшествующие события. В голове крутились обрывки отдельных эпизодов гулянки в ночном клубе.

«Так, – работал мозг, отдалённо напоминая деятельность в стиле размышления, – гуляли в „Филине“, а тот находится на окраине, но вокруг города со всех сторон никакой тайги, только небольшой лес. Что же получается? Выходит, решили продолжить на дикой природе. А на чём поехали, и куда – главное?! Хорошие джипы есть у всех парней. А где ж тут джипу?»

Ефим пошевелился, пытаясь приподняться и сесть. В голову стрельнуло похмельем. Когда боль поутихла, сел, прислонившись к толстому стволу. Начал вспоминать название этого высоченного дерева. Ничего на ум не приходило. Снова вернулся мыслями ко вчерашнему разгулу: «Может, у кого-нибудь есть вертолёт, и тот для потехи забросил меня сюда? Узнаю – харю начищу! Да, наверное, так и есть. Только одному не справиться – стоворились. Видят, что перебрал. Шуточки, тоже!»

Вспомнил про телефон и начал искать по карманам пиджака. В одном нашелся бумажник, но он оказался пуст, что, впрочем, никак не отразилось на сиюминутном настроении. «Надо выбирать», – решил он вслух, неуклюже встал и начал оглядываться, слегка протрезвившим взглядом. «Куда же идти? Ни одной зацепки для определения направления, откуда принесли... или притащили. Трава вроде не помята, кустики не затронуты – будто с неба упал», – бормотал вполголоса Ефим. Пошел наугад, выбирая путь полегче.

Вскоре, не заметив за густой травой крутой склон, шагнул и, не удержав равновесие (как это нередко бывает со ступенькой, ведущей вниз), упал и скатился в ложбину. Громко чертыхаясь, потратив невероятно большое количество энергии, с трудом выбрался наверх. Постоял и решил, что напрасно выбирался: идти, скорей всего, следует вниз. Снял излишки недовольства и раздражения нецензурным пожеланием неизвестно какому адресату и осторожно начал спускаться.

Примерно через час, когда он с поцарапанной щекой бессильно упал отдыхать, послышался звук мотора. Ефим узнал этот звук – у него имелся катер. Поэтому вскочил, преодолевая усталость. Где-то поблизости вода! Не теряя времени бросился пробираться через заросли и бурелом напрямик к звуку. А звук удалялся. Ефим спешил, стараясь изо всех сил. Наконец деревья расступились, открылся вид на реку с высокого берега. Ефим успел заметить скрывающуюся за поворотом моторную лодку, поэтому, не колеблясь, направился в ту же сторону.

Несколько раз останавливался сорвать ягоды, выбирая лишь известную ему костянику. Голод всюду давал о себе знать, но Ефим не думал сейчас ни о чем, кроме цели – найти людей. Следы присутствия человека в этих местах обнаруживал даже он, не знающий об особенно-

стях уклада жизни в тайге. Вот, к примеру, вбитый в землю колышек подсказывал, что к нему рыбаки могли привязывать какую-нибудь снасть. Дальше стали попадаться срубленные ветки и содранная кора, окурки, банка из-под консервов. Люди близко – воодушевлялся Ефим, хотя едва переставлял ноги...

Вначале он увидел какой-то навес. Под ним находился разнообразный инвентарь, в большинстве своем непривычный для городского жителя. Чуть далее стоял домик, на двери виднелся белый прямоугольник – по-видимому, плакат или афиша. За домиком открывалось безлесное пространство примерно на полкилометра. Там располагалась дереvушка. Он увидел и жилые строения, и людей, когда подошел к первому домику. Но интерес его переключился с открывшейся взору панорамы на тот, издали увиденный, белый прямоугольник. Ефим едва взглянул на него, как застыл в изумлении: это ж его портрет! Первой мыслью было предположение о розыске его полицией. Впрочем, это абсурдно: за несколько часов в глухой тайге развесить объявления. Ефим сам усмехнулся над своим измышлением. Пока он недоуменно разглядывал свой портрет (совершенно не обращая внимание на то, что на плакате еще что-то написано), подошли несколько человек – издали увидели странного путника.

– Вон оно как: на ловца и зверь бежит! – услышал Ефим чей-то голос и только сейчас глянул в сторону подошедших. Он не понял смысл фразы, поэтому поинтересовался:

– Что вы спросили?

– Так мы, однако, еще не начали спрашивать, – сказал, судя по голосу, другой житель. – Всё ждали: когда объявишься, да расскажешь нам о своих намерениях.

Ефим ничего не понял – разговор ещё больше внёс сумятицу в мысли. Заметили ли местные его недоумение и растерянность – кто знает?! Только они стояли спокойно, не отображая избытка эмоций на лице. Вперед вышел мужчина одетый по-другому – понаряднее, с претензией на официальный стиль. Он и продолжил говорить:

– Стало быть, Ефим Лазаревич, раз уж вы пожелали (при этом указал рукой на портрет) стать нашим депутатом, то не обессудьте – попросим провести встречу с избирателями.

Ефиму долго (как ему показалось) переводил поочередно взгляд то на плакат, то на людей, постепенно вникая в ситуацию. Таёжники спокойно и терпеливо смотрели на него. Один участливо спросил:

– Видать, трудноvато было добираться? Отдохнуть с дороги не желаешь? – Не ожидая ответа, все дружно повернулись и зашагали к жилью.

Ефиму ничего не оставалось делать, как последовать за ними.

– А остальные позже прилетят, или как? – не оборачиваясь, спросил тот, кто «при параде».

Но кандидат вопрос не слышал – его мучила загадка: «Как я сюда попал, чёрт возьми?!»

2. ГМ

В лаборатории института «Генетика Мозга» (сокращенно – ГМ; а это сочетание из двух букв, как известно всем читающим, означает «хмыканье», что нередко приводило к самокритике своего объекта сотрудниками) проходила планерка. Это такая встреча руководителя с работниками, где вроде что-то планируют и отчитываются о сделанном. По мнению самого руководителя, это – переданная в наследство древность. Но и сам не знал другого метода организации работы.

– Василий Михайлович, вчера я заметил в вашем поведении воодушевление и возбужденность, и сделал вывод о возможности грандиозных успехов. Что-то помалкиваете. Скрываете? – начал ЗЛ (завлаб и он же Захар Леонидович) допрос «главного идеолога» проекта. Василий Глазков по должности считался старшим сотрудником, а идеологом его прозвали сослуживцы за неиссякаемый запас идей, а также за неуёмную пропаганду морально-нравственных принципов во всём.

– Видите ли, – начал Василий быстро и уверенно, словно отрепетированным, голосом, – каждый день мы получаем новые и, возможно, обнадеживающие результаты, многие из них открывают свои направления в исследованиях. Если пуститься в эти разветвления, то нам ни сотрудников, ни жизни не хватит. Я думаю, что следует ограничиться главными целями. Но, какими?! Я стараюсь прислушиваться к мнению коллег и выбрать те, что дают перспективы не только для развития науки, но и реальному качественному улучшению жизни человека.

– Звучит убедительно, но, честно говоря, чувствуется недосказанность и, как бы помягче выразиться, много пустых слов. – ЗЛ испытующе глядел не моргая, что являлось признаком давления и подразумевало требование ответить. Вместо ответа Василий молча изобразил несколько гримас и жестов руками, вроде как и сказать-то больше нечего.

Заведующий еще кого-то о чем-то спросил, но вопрос не вызвал общего интереса, и беседа осталась незамеченной. Вскоре разошлись по рабочим местам. институт имел обширную площадь, и в трёх десятках больших помещений легко было затеряться и провести весь день практически незамеченным для начальства.

Глазков специально направился вначале в редко посещаемую кладовую, где на многочисленных стеллажах размещались почти ненужные никому химические вещества, биопрепараты, инвентарь.

Накануне он присутствовал на избирательном митинге. Наслушался демагогов, отравляющих общество неприкрытым цинизмом, и вернулся домой в состоянии бессильного бешенства от незнания способов утихомирить пройдох, ловкачей и прочих мелких проходимцев. В семье свои негативные эмоции Василий умело скрывал – оберегал психическое здоровье жены. А сам не мог долго заснуть, всё думал...

Василий не определил еще для себя конкретную цель прихода в эту кладовую, эта цель лишь созревала в подсознании. Она исходила из результатов его исследований. Василий Михайлович, лелея и сберегая не столько сами результаты, сколько эту самую цель, всё уже решил, только сам себе не признавался осознанно. Он настраивал себя обдумать «действие и последствие», но, как ни старался, никакого обдумывания не получалось – лишь сумбурные, хаотичные мысли.

– Михалыч, – тронул кто-то неожиданно плечо, – прячешься? Я бы тоже не прочь. Может, гульнём? Огнедышащую смесь недолго приготовить.

Обернувшись, Василий обнаружил Андрея – приятеля, с которым его связывал только досуг, по работе пути не пересекались.

– Слушай, а что это завлаб у тебя выпытывает? Что, в вашем отделе самые важные эксперименты проводятся? У нас, к примеру, тоже интересные и даже любопытные вещи получаются.

– Наверное, у Захара свои намерения, о которых он никому не сообщает, и желает их подпитывать именно нашими результатами. – Глазков специально ответил отвлеченно, чтобы закончить общение с Андреем, потому что вдруг ясно понял, что хочет предпринять. Василий стоял и молчал, и Андрей, видя, что компания не получается, понятиливо направился к выходу, напоследок спросил:

– Так ты, стало быть, не?.. – показал жестом на выпивку.

– Знаешь ведь – я давно «не»!

– Тогда я пошел? – выразил Андрей последнюю надежду обрести собутыльника. Впрочем, эти выпивки у них носили скорее символический характер, но Глазков отказывался и от таких.

– Пока, будь здоров! – напутствовал он привычным выражением.

Оставшись в одиночестве, Василий решительно зашагал к своему личному уголку (у многих имелись такие) и на ходу достал телефон – задать супруге ничего не значащий вопрос. Таким странным образом он добавлял себе психологической уверенности и твердости в предстоящих действиях. Вот уже его столик, сейф, несколько полок. Машинально сунул телефон в карман, не выключив его. В одном из ящиков стола нашел недавно изготовленную авторучку. Внешне предмет походил на пишущий инструмент, а на самом деле представлял собой прибор для инъекций на расстоянии. Внутри размещалась катапульта, стреляющая струйкой на несколько метров. Василий достал из другого ящика коробочку, где среди прочих, неприметных для глаз, вещичек хранилась небольшая металлическая колбочка. Он положил ее в карман. И совсем в укромном месте хранились главная деталь – ампула. Её Василий спрятал в другой карман. Оставалось наполнить ампулу жидкостью из колбочки и вставить в «авторучку».

Прислушался – никаких звуков. Неторопливо огляделся по сторонам, трижды глубоко вдохнул и выдохнул. Разложил все на столике и начал открывать колбочку с «секретной» жидкостью – результатом исследований отдела и его самого, в первую очередь.

– Василий Михайлович, – тихо прозвучал голос неожиданно появившегося заведующего лабораторией, – а я вас ищу.

Василия бросило в жар. Такого стресса он никогда не испытывал. Сам почувствовал, как пылают огнём щёки и дрожат ноги. Но быстро мобилизовал психические силы, постарался незаметно зажать в кулаке колбочку, держа вертикально, чтобы не протекла жидкость из-под наполовину открученной крышки. Затем медленно опустил руку в карман. Только после этого глянул на Захара Леонидовича, стараясь выглядеть непринужденно, а слова вылетели неуместные в такой ситуации:

– Как вы меня нашли?

Захар задумчиво и невнимательно глядел куда-то мимо лица собеседника, не проявляя любопытства ни к занятию подчиненного, ни к обстановке. Василий мог и не беспокоиться, что его «застукают». Заведующего в последнее время интересовало одно – конечные результаты. Вместо ответа он ткнул пальцем в нагрудную эмблему на униформе Глазкова и продолжил в прежней тональности:

– Нам нужно серьёзно поговорить, Василий Михайлович. Понимаете, Василий Михайлович, люди наверху ставят решительный вопрос: сможем ли мы, хоть когда-нибудь, изменять генетически человека, стоит ли заниматься нашими исследованиями или же это фантастика и не более того... – Он продолжал по инерции тыкать в эмблему и бесконечно повторять «Василий Михайлович». А Глазков не слушал ЗЛ – в нём росло негодование: «Вон оно что – маячки нацепили для слежки! Сегодня же выброшу!»

– Я вам так скажу, уважаемый Захар Леонтьевич, – бессознательно ошибся Василий, зная, что подобное обращение может довести начальника до бешенства, – наука всегда является фантастикой для настоящего и непременно становится реальностью в будущем. – Заведующего это высказывание воодушевило, он даже не обратил внимания на оплошность подчиненного.

– Хорошо, чудесно. А, всё-таки, Василий Матвеевич (толи в отместку, толи по рассеянности назвал сотрудника ЗЛ), что вы откопали? Вижу ведь! Делитесь – я не только чиновник по складу ума, а ещё и учёный... в какой-то степени. Глядишь, и моё участие пригодится. Давайте вместе выполнять задачу вышестоящих органов.

У Василия, когда он слышал про эти «органы», сразу же пропал интерес не то что к сотрудничеству, а вообще к разговору, поэтому решительно закончил беседу:

– Я вот тут возьму кое-что и пойду – работа не терпит.

3. Штаб

В штабе кандидата в депутаты по 82 Северному округу Ефима Лазаревича Елина совещались. Влиятельный в городе человек Тарас Удоев – предприниматель поселился в самом Елине – на правах главного спонсора избирательной компании отчитывал, не выбирая выражений, будущего депутата. В результатах выборов сообщники не сомневались. Но, на всякий случай, планировали, как могли, ход компании. Привлекали различных специалистов редкого профиля, а надеялись больше на денежный аргумент.

– Ты чего там наговорил, в той тайге? Почему один уехал, ничего никому не сообщил? Мы – одна команда, и ты в ней – не пуп земли! Правда, языком молоть хорошо умеешь. Хотя... порой кажется, что ты просто тупой. Депутат должен быть дипломатом, а не диктатором! – Удоев умолк, давая возможность Елину высказаться. Ефим же размышлял и вспоминал подробности выступления в таёжном посёлке: «Чёрт дёрнул баллотироваться в глухомани!»

– Не помышлял о смене фамилии? – донёсся до слуха Ефима голос Тараса. – У тебя инициалы не впечатляют, а даже отталкивают: ЕЛЕ – что за еле! Еле-еле будешь тянуть ляжку – вот что могут означать в мыслях избирателей эти твои ФИО. Вот, к примеру, у Азукова: ХВА. Звучит! Или у Рослова: МИР – то, что надо! Эх! Надо было самому! Да ладно уж, занимай пост – мне-то некогда. – Тарас вспомнил, что его ТРУ ничуть не лучше ЕЛЕ.

– Может, делом займёмся, – заявил властно Ефим. – Завтра пресс-конференция нашего блока. Снова в институте генетики. Помещение у них, конечно, великолепное, но там соберется много сотрудников этого института. Научные работники не какие-нибудь лохи. Они умеют сопоставлять, что к чему. Так что быть начеку! Думать, прежде чем говорить!

– Это ты самому себе говоришь?! – вставил слово один из помощников. – Помнится, сам же испортил у толпы впечатление от встречи.

– Ближе к делу! – нетерпеливо обрывая тему разговора, сказал Ефим. – Сколько будем заказывать ещё плакатов, листовок?

– Минуточку, плакаты, листовки – это для твоей агитации. А завтра мы участвуем в мероприятии всего блока. Разные вещи, – снова вступил помощник в дискуссию. Лидеры блока сами зададут нужное направление на конференции. Наша тройка – просто «за компанию».

– Э! Не скажи! Допрашивать будут всех. Особенно назойлив этот... из «Вестника», как его... Знакомец. Тоже мне, творческий псевдоним. – Удоев смягчил тон, отстав от Елина.

Помолчали. Помощник снова завладел инициативой в разговоре:

– Понятное дело, мы продвигаем новое мировоззрение, деловой подход ко многим сторонам жизни. Но пока живо старейшее поколение, не надо их разочаровывать и злить. У них своя философия. Пусть и продолжают думать, как привыкли. Соглашаемся, а гнём свою линию. Разумно?

Через пять минут разошлись, не приняв никаких конкретных решений.

4. «Э»

Хозяин придумал собаке кличку «Сэр». Жители ближайших домов добавляли «Филя». Получалось – сэр Филя. Как выяснилось, порода этого пса свирепого вида – бразильский фила, этим и объясняется происхождение народного прозвища.

Владелец Фили – наглый и хамоватый толстяк – на предостережение о необходимости намордника на собаке при выгуле не удосуживался отвечать. Приходилось обходить стороной злобную парочку – человека с собакой. Возмущались многие, опасаясь за детей. А жители подъезда, где обитала собака, входили и выходили настороженно озираясь. Филя с хозяином появлялись стремительно – а с виду и не подумаешь: выглядел человек неповоротливым, ожиревшим. Кто-то куда-то писал жалобы, но богатенькому что штраф заплатить, что откупиться – раз плюнуть.

Василий Михайлович на собаку старался не обращать внимания, проходил мимо без опаски, лишь повышая внимание. Но его возмущало как раз то, что человек «плюёт на всех». Постепенно созрело желание наказать наглеца экспериментом над собакой. Учёный сознавал, что подобное действие похоже на самосуд, однако оправдывал своё намерение заботой о психическом здоровье соседей, да и науке польза будет. Он решился ввести псу небольшую дозу только что разработанного в их лаборатории (а точнее – им самим) препарата, изменяющего ДНК. Чтобы провести официально такой опыт, необходимо пройти десяток инстанций. А самое главное в его осторожности с объявлением результатов своей разработки – предвидение нежелательных последствий при испытаниях над человеком. Возможно, придётся спрятать изобретение и никогда никому о нём не рассказывать. Так что испробовать открытие на собаке напрашивалось.

Василий разузнал время вечернего выгула Фили, и заранее рассчитал в какое время он должен был столкнуться с псом в дверях подъезда. Именно в этот момент проще всего незаметно стрелнуть капсулой. С расстояния до метра мельчайшие капельки всё равно попадут под кожу, кровь разнесёт молекулы и начнётся... А что именно начнётся и предстояло выяснить. Впрочем, Василий Михайлович запрограммировал в препарате конкретные изменения, но, как учёный, понимал – новое часто непредсказуемо.

На восемнадцать тридцать в институте генетики назначена встреча с кандидатами в депутаты. Василий не собирался вновь выслушивать разглагольствования людей, о которых уже составил мнение, как о будущих возможных законодателях. Всё же, по его плану, придётся отправиться: надо же будет куда-то идти после встречи у соседнего подъезда.

После работы Василий дома был рассеян. Жене отвечал невпопад. Когда надоело смотреть, как он ходит из угла в угол, Маша потребовала:

– Да сядь же, наконец! Расскажи, как у тебя на работе. Что ты там утаиваешь от заведующего?

– Че-го? – встрепенулся Василий.

– То-го! Включил телефон, а сам и не думаешь со мной говорить. Сначала какие-то тихие звуки, потом разговаривал с Захаром Леонтьевичем. Поняла, что не дождусь, и сама выключила. А что это ты вдруг разулыбался?

– Потому что заведующий – Леонидович, и жутко не любит, когда его величают Леонтьевичем.

– А ты сам его так назвал.

– Да? Я и не заметил. – Василий глянул на часы и засобирался. – Пойду, ещё разок послушаю тех, кто во власть лезет.

– В прошлый раз зарекался: больше ни ногой!

– Да схожу уж. Чего там. Ведь, как же – все там, а я где?

Жена недоумевающая выслушала это словоблудие, покачала головой и вышла из комнаты.

Василий уже стоял у двери, как вдруг, вспомнив, вернулся к шкафу и надел другой пиджак, озираясь на кухню, чтоб Мария не заметила переодевание. У этого пиджака более удобные карманы – легче достать и спрятать его «оружие».

– Здравствуйте, Василий Митрофанович! – услышал он, выйдя из подъезда. Увидел малознакомую соседку и не сдержался:

– Василий чего?!

Женщина даже присела от неожиданно громкого голоса и засемила прочь. А Василий, проворчал тихонько: «Какой я тебе Митрофанович», вспомнил о деле и глянул на соседний подъезд, на часы – без пяти шесть. Пока никого не видать. Стоять и ждать лучше у своей двери, для конспирации, но можно проморгать.

Послышался резкий детский вскрик и знакомый голосище грубияна. Дверь, за которой он наблюдал, начала приоткрываться. Василий чуть не бегом пошёл туда. На ходу от волнения засунул руку в карман, сжал пальцами «стрелялку». Медленно вытащил руку из кармана, неуклюже сгибая кисть, как бы пряча предмет от посторонних глаз. Вот уже он в двух шагах от двери, которая едва приоткрылась и застыла в таком положении. Казалось, что время замерло, долго тянутся секунды ожидания. Рука неторопливо поднимается, чтобы направить авторучку на ожидаемый объект. Сэр Филя всегда первым выскакивал, за ним хозяин, а те, кому не повезло от не желаемой встречи, жались к стенам. Дверь распахнулась и выбежал мальчишка. Он боязливо обернулся и побежал. Василий едва не нажал на кнопку, но в последний момент среагировал – отдернул руку, прижал сжатую в кулак кисть к боку, судорожно засунул в карман. Сознывая нелепость нахождения в застывшей позе, Василий бессознательно сделал несколько мелких шагов, и так, по инерции, начал уходить всё дальше от злополучного подъезда. Позади – никаких звуков. Видимо, пёс с хозяином задержались внутри здания. Возвращаться и поджидать не было смысла – риск засветиться. Он опустил «авторучку» из ладони, вытащил руку из кармана и начал усиленно тереть пальцами лоб. Ноги уносили Василия прочь с нарастающим темпом.

Народа в зале собралось гораздо больше, чем ожидалось. Василий пробирался к первым рядам, где обычно садился со своими сослуживцами. Свободных мест не нашёл и остановился в тесной толпе у стены неподалеку от сцены.

Василий слушал выступающих рассеянно, глядя на них, но не вникая в смысл их речей. Мысленно возвращался к неудавшейся попытке: «Что не так сделал?» Бесконечно перебирал в памяти эпизоды у подъезда, не находя объяснений случившемуся. Постепенно оцепенение от круговорота одних и тех же размышлений прошло, и он наконец осознал доносящиеся со сцены слова. Возможно, этому способствовало возникшее неодобрительное волнение и гул присутствующих в зале. Меж тем со сцены спускался в зал кандидат, которого Василий Михайлович запомнил с прошлой встречи – Елин, кажется. Тогда этот Елин Василию даже понравился вначале. Но затем симпатия быстро переросла в неприязнь: отталкивали хамство, неприкрытое властолюбие и полное отсутствие внимания к надеждам избирателей.

Сообщники Елина (так назвал их мысленно Василий) после непродолжительной встречи с избирателями прошли за кулисы, а сам Елин, продолжая в ответ на претензии выкрикивать громкие лозунги, решил пройти через зал. Разговор с Елиным вели трое активистов, среди них корреспондент Знакомец, который и задал риторический вопрос:

– Ну как так можно – вообще не учитывать мнение народа?! Депутатов для того и выбирают, чтобы они представляли голоса избирателей в законодательной власти.

– Ваших голосов очень много и не факт, что они все едины. И как мне выбирать: налево пойти, направо или постоять на месте? Я буду идти своей дорогой, ну, когда изберут... если, –

поспешно добавил Елин последнее слово. – Народ – это толпа, которая мало понимает в экономике, так что если выбрали, за кого отдать голос, то уж доверяйте. Можно сказать, слепо верьте. Мы поднимем экономику, сделаем богатой страну! Ну и ваша жизнь улучшится.

– И какой же ценой, и когда-а? – вступил в разговор активист-пенсионер.

– Ох! Как же надоели эти пустые разглагольствования, – не вытерпел Елин, срываясь на пренебрежительный тон. Раздражённый пенсионер в том же духе сказал в ответ:

– Вы, хотя бы для приличия, меняйте свой облик, когда с людьми говорите. Только звери не меняют свою натуру.

– Называйте мой облик как хотите, а я подстраиваться не привык и не собираюсь. Каков я есть – такой и есть! – В голосе Елина слышалась озлобленность. Это ясно уловил Василий Михайлович. Кандидат уже находился почти рядом с ним, пробираясь от сцены сквозь стоящий народ. Внутри Глазкова начали закипать гнев и возмущение, не столь от слов Елина, сколько от мощной негативной энергии, излучаемой этим человеком. Василий Михайлович, потеряв над собой контроль, затрясся во внутренней конвульсии; перед глазами, как в испорченном телевизоре, задёргалось всё видимое. Елин находился уже рядом с ним. Не осознавая своих действий, Василий нащупал в кармане «авторучку», вытащил руку, быстро направил в сторону Елина и нажал на кнопку «оружия». Дальнейшие события с ним происходили без участия разума. Он не помнил, как ушёл из института, как добирался домой. Пришёл и упал на кровать в одежде. Пришёл в себя лишь от голоса супруги.

5. Исчезновение

В институте «Генетика Мозга» проводилась подготовка к реорганизации. Институт решили перепрофилировать на более практическую основу. На исследования не хватало денег в бюджете. Некоторые отделы закрыли, другие перестроили, а Василий Михайлович свой отдел отстаивал до последнего, в основном из желания уберечь материальную базу на будущее. Заниматься исследованиями в текущем времени не хотел и не мог.

Спустя два месяца после своего «опрометчивого» (как он сам определил) поступка, Глазков с волнением и тревогой ожидал сведений и событий, которые неминуемо должны были последовать после его невольного эксперимента. Он просто ждал, не предпринимая попыток разузнать что-либо про Елина – кандидата в депутаты какого-то далёкого округа. В составе партийного блока Елин активно действовал в своём городе – когда же он успевал встречаться с избирателями округа, по которому баллотировался?! Так было до ключевого момента «Э» (как учёный, Василий привык обозначать предметы, факты, события терминами), а после он ничего не слышал, даже ненароком.

До выборов оставалось две недели. Василий Михайлович зашёл к Захару Леонидовичу по какому-то поводу. Заведующий, не отрывая взгляда от газеты, указал рукой на стул, продолжая увлечённо читать. Глазков сел, и газета оказалась перед самым его лицом, так что глаза невольно пробежали по ней. Предвыборная газета блока «СиМ» – эта аббревиатура означала: Сила и Могущество. На первой странице разместился перечень материалов, и среди них Василий увидел «Куда подевался Елин? – узнавал Знакомец». «Если известный журналист заинтересовался, значит есть серьёзный повод», – мелькнула мысль. Василий стал водить лицом вдоль газеты. Тут Захар резко убрал газету и увидел нелепо вытянутую влево шею учёного, даже застыл с открытым ртом на мгновение.

– Если интересуешься – возьми, почитай, – сказал заведующий и, сложив газету, подал её Василию. – Затем он вздохнул, шмыгнул носом (как обычно перед серьёзным разговором) и спросил, как бы извиняясь, но достаточно настойчиво:

– Ну почему ты сопротивляешься против закрытия отдела? Нет же результатов! И финансирования нет. Не сегодня, так завтра, не завтра, так скоро разгонят совсем. Как я понимаю, ты... вы там ничем не занимаетесь... вообще.

Василия же занимала статья Знакомца, хотелось быстрее прочитать.

– Дайте мне неделю. Всего неделю! – Василий Михайлович тут же встал, не дождавшись ответа Захара. Помял в руках газету и направился к двери. Захар молчал, видимо, не знал, как отреагировать.

Глазков прошёл в своё укромное место и с нетерпением стал искать в газете материал про Елина. Написано было немного, и суть сводилась к следующему: самый активный деятель блока СиМ полтора месяца назад почувствовал сильное переутомление и решил временно отдохнуть, затем вообще исчез из поля зрения не только избирателей, но и сподвижников. Родственники обратились в полицию, и Елина объявили в розыск. А неделю тому назад соратники, не веря уже в успешные действия полиции, попросили знаменитого в городе Знакомца провести своё расследование. Уже через три дня журналист выяснил, что Елина избиратели видели очень давно – прошло около трёх месяцев. И визит его был очень уж странным: появился один, неизвестно на каком транспорте добирался, словно вышел из тайги. Выяснилось также, что отдыхать от дел Елин уехал на далёкую дачу, не сказал даже жене куда именно.

Василий призадумался: «Если блок СиМ пишет о своём кандидате такие не совсем приятные вещи, значит вынуждены это сделать. Видимо, избиратели и пресса делают своё дело. Не отвертись! Знакомец мог опубликовать материал и в городской газете». Затем Василий начал развивать и обобщать свои догадки: «А уехал Елин потому, что дома могли заметить

внешние изменения в облике. Если просто недомогание, то ведь можно, и даже лучше, находиться дома под присмотром. Значит, всё-таки начались изменения. Наверняка! Уже через две недели после „Э“ пришлось скрываться, а что же сейчас, спустя два месяца?!» Далее Глазков пришёл к выводу, что необходимо целенаправленно действовать: находить людей, выяснять подробности. Теперь он словно воспрянул духом после двух месяцев застоя – есть результат, пусть пока неопределённый, есть цель.

6. Доверительность

Василий Михайлович пришёл в свой отдел с конкретной целью – поработать. Настроился решительно и оптимистично. Но время шло, а он, вместо желания что-либо делать здесь, всё больше размышлял о необходимости реальных действий в поиске результатов эксперимента: «Надо как-то выйти на след Елина. Но как?! Подключить помощников, не сообщая им полностью сути происшедшего? Не получится! А рассказывать кому-то об „Э“ – не только преждевременно, но и опасно. Что же предпринять?»

Раздумья прервались звуком шагов двух человек по коридору. Василий включил компьютер и начал поиски в интернете политических новостей своего региона. Пробегал глазами, не вникая в суть, множество сообщений, порой интересных, но бесполезных сейчас. «А вот то, что надо», – тихо проговорил он, увидев в строках «Знакомец». В заметке рассказывалось о подробностях поездки Елина в таёжный посёлок. Внимательно прочитал и сделал вывод: «Занимательно, но это было «до того».

Василий посидел ещё с полчаса и, вдруг вскочив, бодрым шагом двинулся к выходу. «Надо приобщать Знакомца», – решил он.

В редакции газеты Глазкова узнали (печатали его научно-популярные статьи по биофизике) и открыли секрет, что Знакомец иногда прячется от посторонних глаз, не желая быть узнаваемым, в шахматном клубе.

– Вы можете не узнать его! Смотрите внимательней! – сотрудница при этом жестом руки намекнула на возможные изменения внешнего вида лица. – Только я не причём! Хорошо?

Василий отблагодарил женщин шоколадками со словами:

– Вот – Арине, вот – Марине. – А потом спросил с улыбкой: – Девчата, у вас имена такие или псевдонимы?

– И то, и другое. А зачем это вам понадобился Евгений? – Арина поняла, что проговорилась о Знакомце, и чуть скривила лицо. – Может мы поможем? – добавила она поспешно.

– Спасибо. У меня... так, ничего серьёзного, – завершил разговор Василий и откланялся в буквальном смысле.

Владелец клуба задумал сделать его в стиле знаменитого французского «Кафе де ля Режанс», чтобы современные последователи легендарных шахматистов прошлого Филидора, Стаунтона и Морфи чувствовали себя здесь на вершине блаженства. После нескольких трансформаций заведение закрепилось на позиции обычного шахматного клуба. Но кофе попить – само собой разумеется.

Василий Михайлович шахматы любил, но ходить в клуб не представлялось возможным. Да и наука занимала и время, и мысли гораздо больше. Он вошёл в помещение неуверенно, чувствуя скованность, словно человек в банкетном зале, не знающий правил застольного этикета. Просто стоял на одном месте и оглядывался, что, впрочем, никто не замечал – все глядели на доски. А посетителей набралось человек двадцать. «Как же мне найти Знакомца? Да и здесь ли он?» – обдумывал Василий. Помог случай – у одного игрока, сидящего спиной к нему, зазвонил телефон. Игрок ответил: «Да, Марина». «Всё-таки верно утверждение, что случайность – форма проявления закономерности», – быстро пронеслась мысль в голове Глазкова. Он догадался, какая Марина звонит сейчас человеку, который, скорее всего, и есть Знакомец. Тот огляделся по сторонам и остановил пыливый взгляд на Василии. Учёный, в свою очередь не мигая смотрел на Знакомца, опознав его под гримом. Знакомец посмотрел на партнёра, что-то тихо сказал ему и встал из-за стола.

– Как я понимаю, у вас ко мне дело.

– Извините... простите, что назойливо вторгаюсь в... – неуклюже начал разговор учёный. – Василий Михайлович Глазков, сотрудник института «Генетика мозга» – представился он и замолчал.

– И...

– Мы, конечно, не знакомы. Но... я, вот...

– И что же вы хотите? – профессионально терпеливо продолжил журналист.

Василий, ободрённый приветливым тоном, оживился:

– Знаете, Евгений, извините – не знаю отчества, – продолжая говорить, Василий заметил реакцию Знакомца на то, что его имя известно постороннему. – Вас должны заинтересовать некоторые подробности в деле очень известного человека. Не согласитесь ли выслушать меня? Только не здесь...

В опустевшем парке встречались лишь редкие прохожие. Сырой пронизывающий ветер доставлял такой дискомфорт, что и говорить не особенно хотелось. Василий чувствовал отсутствие у Знакомца заинтересованности. «М-да, неудачное место я выбрал», – подумал он и поспешно стал, как ему казалось, исправлять ситуацию. Беседа продолжилась совсем не в том русле, в каком привык учёный излагать свои мысли и доводы.

– Вы занимались делом Елина – того исчезнувшего кандидата в депутаты.

– Что, существует какое-то «дело» этого Елина? – прервал журналист.

– Ну, вы же писали о нём!

– Это, скорей, небольшое расследование.

– Так ведь, в розыск объявлен! Значит, заведено дело о пропаже, что ли.

– Не знаю. Меня попросили разузнать, где он, и я навёл кое-какие справки.

«Не договаривает», – подумал учёный, а вслух произнёс:

– Читал. Только до конца не выяснено, ведь, где же, всё-таки, Елин.

Знакомец вдруг остановился, посмотрел проницательно в упор и произнёс, выделяя каждое слово:

– Почему вас – учёного – очень интересует этот человек?

Василий замешкался с ответом, и отчётливо заметная растерянность отобразилась на его лице. Он предугадывал подобный вопрос, заранее придумал достаточно убедительное объяснение, чтобы не выдавать полностью своё участие. Но слова вылетели такие, что ошеломили самого Василия:

– Если вы поможете, то – обещаю – узнаете... первым сенсационные сведения.

У Знакомца от удивления поползла вверх одна бровь, отчего отклеился её краешек.

– Продолжайте, я слушаю вас очень внимательно, – спокойно сказал журналист, показывая своё профессиональное мастерство.

Василий Михайлович понял, что пошёл «ва-банк» и отступать поздно.

– Он со своими сообщниками несколько раз выступали в нашем помещении. – Глазков сделал паузу, а собеседник заметил:

– Несколько странное определение: «сообщники». Хотя, по сути, верно.

– Так вот, своими высказываниями Елин многих слушателей довёл до... мягко говоря, бешенства.

– Вот как?! Интересно! Продолжайте.

– Да он же... просто чудовищный циник и демагог! – не сдержал эмоций Василий Михайлович. – Люди не могут не реагировать в ответ на пренебрежение.

Журналист молча наблюдал за откровением учёного.

– Произошло, скажем так, спонтанное противодействие по отношению к отталкивающему поведению этого человека.

Знакомец соорудил гримасу от такой витиеватой фразы.

– А подробнее?

– Считайте, что научный эксперимент. – Василий Михайлович почувствовал уверенность и твёрдость. – Больше ничего сказать не могу. Пока! Со временем всё узнаете. Помогите найти Елина. Мне нужно, хотя бы незаметно, увидеть его и понаблюдать за ним. Верьте мне!

Евгений молча шёл, обдумывая услышанное, удивлённый кивнул. После минутного молчания оба разом остановились, посмотрели в глаза друг другу. Журналист протянул руку, и Василий пожал её. Затем Евгений энергично пошёл к выходу из парка.

– Минутку, мы не договорились о связи, – окликнул Василий.

– Я найду вас при необходимости, – ответил Знакомец не оборачиваясь.

Глазков направился следом. Его взгляд остановился на пачке от сигарет, которую нечаянно пнул Знакомец. Подошёл, рассеянно поднял её. Он вспомнил, что в руках Елина в момент «Э» была такая же.

7. Дачи

Арина шла по припорошенной снегом узкой улочке дачного посёлка. «Ни души не видно», – тихо констатировала она. У одного из домиков – он отличался от остальных небольшим размером – на снегу видны следы, причем, внутри участка, а не с улицы. «Значит, здесь кто-то может жить в данное время», – решила Арина и приоткрыла калитку. Тут же из хозяйственной постройки выскочил пёс. Арина не успела испугаться, так как из двери появился хозяин, да и пёс совсем не лаял, а только внимательно следил за незваной гостьей.

– Чего надобно? – спросил бодрым голосом мужчина. На вид ему было лет восемьдесят, не меньше – борода и одежда вводили в заблуждение. А вот голос выдавал значительно меньший возраст – так показалось Арине.

«Может, специально маскируется под старика, – подумала она. – Уж не сам ли Елин прячется здесь? – Но тут же прогнала эту мысль. – Да нет, не стал бы выходить».

– Вы, наверное, один из всего поселка живёте здесь, – спросила Арина как можно любезнее. – В это время холодно и неудобно.

– Мне по-стариковски что делать-то в городской толкучке?! А тут самый раз: подумать и поработать в спокойствии.

– Не рано ли себя в старики записываете? Вам же пятьдесят, не больше.

Мужчина, как показалось Арине, едва заметно смутился, потом улыбнулся, посмотрел внимательно в глаза Арине и начал рассказывать доверительным тоном.

– Я вижу, что ты не сорока базарная, налево-направо не станешь разносить. Коль есть любопытство – расскажу. – Он подошёл ближе, зачем-то расправил усы, пригладил бороду. – У меня жена моложе на девять лет. Когда я к пятидесяти подходил – она выглядела совсем молодой. А я на наружность подрыхлел. Вроде отца ей казался. Ну и неинтересно ей стало со мной утешаться. – Дачник замолк, а Арина поспешила с вопросом:

– Что, ушла к другому?

– Фактически осталась, а по сути ушла. Тогда и я ушёл... из дома. И решил я тогда заняться своим внешним обликом: бросил курить и выпивать, занялся физкультурой. Наверное, смешно – стал пользоваться различными кремами да лосьонами, будто баба какая. Однако ж не понапрасну. Через десяток лет у меня лицо стало моложе, чем тогда, когда уходил. Вот так и поддерживаю тонус. – Мне семьдесят семь, – добавил он после нескольких секунд молчаливого погружения в память.

– Чем же Вы здесь занимаетесь? – участливо поинтересовалась Арина.

– Живу. Сочинительством занимаюсь: стихи, рассказы.

– Интересно! Хорошо бы услышать что-либо.

– Да я так, для себя.

– Только для себя – неинтересно!

Слова Арины подействовали убедительно, и мужчина, качнув головой от сознания, что его «поймали на крючок», начал читать не совсем умело, но с чувством:

– Хмурый зимний пейзаж. Тишина и мороз. Как далёкий мираж, на стекле танец роз. На ветвях, как плоды, комья снега висят. Не ушёл от судьбы замороженный сад. – Закончив, он коротким цепким взглядом попытался разглядеть на её лице следы произведённого впечатления.

Арина изобразила одобрение:

– А ещё что-нибудь.

– Январской ночью в ореоле морозной дымки свет луны. А в голубом бескрайнем поле сиянье снежной тишины. И здесь, тропкою неприметной, дороги зимней вьётся нить. Иду

с желанием заветным: увидеть всё и не забыть! – На этот раз он читал артистичней, но в конце смутился, махнул рукой, вроде ни к чему эти «выступления», тем не менее ожидал оценки.

– Интересные зарисовки: коротко, ёмко, выразительно, – похвалила Арина. Она решила, что контакт налажен и пора переходить «к делу».

– Спасибо за стихи! Они мне понравились. Арина, – назвала себя, протягивая руку.

Дачник, довольный почтительным отношением, с поклоном взял её ладонь двумя крепкими руками и представился, будто на официальном приёме:

– Трофим Лагунков.

– Рада знакомству! Вот только, к сожалению, пора расставаться с хорошим собеседником. Дела, знаете! Может, Вы мне подскажете, где здесь дом Елина?

– Елин? Это который, кто он? – выдал мужчина свою неосведомлённость в общественной жизни города.

– Это депутат, точнее – кандидат. Вот скоро выборы. Вы в курсе?

– Депутат, говоришь? Вон оно как! А на выборы я хожу. Так ты, милая, за него агитировать пришла?

– Скорей наоборот. Я работаю в газете и хочу с ним встретиться.

– Ага, понятно. – Дачник поразмышлял, теребя бороду, – Раз в депутаты лезет – значит богатый, влиятельный. И дача у него, по-видимому, тоже приметная. Тут много больших домов и шикарных участков. Сразу на ум не приходит, где его имение. Разве что... на соседней улице есть хороший домик, и туда приезжала машина солидная, чёрная такая. Выходили двое и несли сумки в дом. Я как раз из магазина возвращался, ну и видел. Сходи посмотри, может, это его дом. А больше никаких предположений.

– Спасибо. Пойду посмотрю. Покажете? – Арина вышла за калитку и старик следом. – А когда вы видели эту машину, давно это было?

– Месяца эдак два тому назад.

По узкой улочке идти приходилось друг за другом, так что разговаривать неудобно. Соседняя улица оказалась более широкой и асфальтированной. Собеседник указал Арине на дом и пошёл назад.

– Как газета твоя называется? – услышала она за спиной.

– Вестник, – ответила Арина, обернувшись.

Шагая к предполагаемой даче Елина, она внимательно смотрела по сторонам. Машины проезжали по дороге после небольшого снегопада, прошедшего несколько дней назад. А вот возле нужного дома не останавливались. Ничего не указывало, что здесь были люди недавно. «Ему могли привозить продукты, – размышляла Арина над сообщением о чёрном автомобиле. – Но тогда нужно хотя бы раз в неделю приезжать. А тут – запустение». Хотела громко позвать хозяина, но передумала. Решила обойти вокруг дома. Со стороны сада под крыльцом к деревянной пристройке заметила дыру. Присмотрелась внимательно и неожиданно для себя сделала вывод вслух: «Мыши прогрызли». Словно испугавшись своего звонкого голоса, она вздрогнула и огляделась – никого. Закончив обход, постучала в дверь. Ни звука в ответ. «Пожалуй, ничего я здесь не добьюсь», – сделала вывод Арина.

8. Часть

Знакомец сидел в кабинете командира воинской части.

– Я – журналист, вот моё удостоверение. Знаете, полковник, я хочу поговорить с вами неофициально. Обещаю, никто ничего из нашего разговора... – Евгений для убедительности говорил медленно, выделяя каждое слово.

Командир его перебил:

– Служебную информацию я, в любом случае, не сообщу, а так – всё что хотите: пишите, рассказывайте читателям об армии. Это ж нужное дело!

– Читателям – в другой раз. Меня интересует всего лишь небольшой эпизодик. Мне это важно знать. Только мне! И больше никому!

Полковник недоумённо смотрел на журналиста: с такой странной просьбой к нему обращались впервые. Спросил насторожённо:

– Что вас интересует?

Евгений мучительно размышлял: «С чего начать, чтобы не отбить желание у командира на откровенный разговор? Одно неосторожное слово может всё испортить!»

– У вас же бывают, наверное, тренировочные полёты на дальние расстояния. Имею ввиду не серьёзные учения, а так: груз куда-нибудь доставить, слетать в другую часть с дружественным визитом... Одним словом, чтобы можно было прихватить с собой неофициально попутчика... Повторяю, не для газеты, просто мне хочется проверить одну версию.

– Конкретнее, – сказал полковник доверительно, но на лице отобразился щит непроницаемости.

– Один человек... довольно известный, посещал труднодоступную местность. Туда можно попасть только вертолётом или плыть по реке, причём до реки также нужно ещё добраться. А он проделал маршрут за ночь. Это обратно его вертолётом вывозили, а туда... как?! – С последним словом Евгений развёл руками так артистично, что необъяснимая загадка завладела умом и командира.

– Вот оно что?! – воскликнул полковник, больше переживая за репутацию части, чем интересуясь удивительным путешествием. – А в этой истории нет ли чего противозаконного или криминального? Как я понимаю, вы подозреваете, что наш вертолёт мог доставить вашу известную особу к чёрту на кулички?

– Особа – не наша, слава богу! Этот человек – кандидат в депутаты по восемьдесят второму северному округу. И визит его туда можно назвать официальным. – Евгений забыл, что хочет разговаривать военного, чтобы тот проговорился ненароком, и откровенно выложил информацию. Спыхватился, но слово – не воробей! – Никому бы и дела не было до его странного вояжа. Только загвоздка получилась – исчез. Не могут найти. На севере нет, и не был с прошлого раза...

Командир части вертел в руке карандаш, которым он делал какие-то пометки в блокноте ещё до начала разговора. Карандаш выскользнул из пальцев и со звонким стуком упал на пол. Полковник наклонился под стол, изогнулся, чтобы достать беглеца, а когда выпрямился на лице багровели яркие пятна: толи от натуги, толи от беспокойства.

– Даже если бы наш вертолёт и довозил кого-то, то какое это имеет отношение к пропаже, ведь его оттуда вывезли. Официально, заметим, а не наши лётчики! Притом у нас никто никогда никаких попутчиков... потому как не положено! – Полковник отчеканивал слова громко, как команды, но в голосе угадывалась неуверенность.

Знакомец молча кивал в знак согласия, переключая внимание на запах цветов в горшочках, которых на подоконниках расплодилось немерено. «Тоже не положено, наверное», – подумал он, и эта мысль заставила продолжить «дипломатию».

– Версия у меня такая: если единожды этот Елин договорился улететь в тайгу, то мог бы ещё раз упросить забросить его в любое место. Теоретически возможно ведь.

– Не думаю, что мои подчинённые пойдут на это. Исключено.

– Понимаете, если официально станет известно просто подозрение на возможность подобного инцидента, то никакие военные секреты не помогут скрыть. А я ищу информацию неофициально, не для газеты, не для широкой огласки.

Полковник развёл руками, толи от неведения, толи от нежелания пролить свет. Он встал, опёрся рукой о спинку стула, демонстрируя этой позой дружелюбное отношение к собеседнику, но разговор не продолжил.

Когда командир нырнул под стол за карандашом, Евгений обзрел просторный кабинет и остановил внимание на графике на стене. Он понял, что это календарный план: по горизонтали располагались цифры от одного до тридцати одного, а по вертикали – фамилии, с указанием воинского звания. Небольшое количество клеток закрашено красным цветом – скорее всего в эти дни летали. Чтобы глянуть ещё раз на график, журналист тоже встал, изобразил задумчивость, прошёлся по кабинету в одну сторону, затем не спеша развернулся в обратную сторону. В процессе поворота задержал взгляд на плане. Его интересовала середина месяца. Красная клетка стояла у одного командира вертолётки – у майора Кузовлёва.

– Ну что ж, спасибо и на том, – поблагодарил Знакомец, стараясь придать словам непринуждённый тон.

– Не за что! Извините, что не могу ничем помочь... Знаете что, советую поискать среди частных владельцев вертолётки.

– Спасибо за совет! – Евгений изобразил воодушевление. О том, что он проделал это до визита в часть, говорить не стал.

Полковник проводил его до двери, пожал руку. Пока журналист шёл до контрольно-пропускного пункта, ещё раз прокрутил в голове вариант с частным вертолёткой. У частных машинистов лёгкомоторные, с небольшой дальностью полёта, так что маловероятна возможность использования в этом конкретном происшествии. «Нужно потрясти друзей Елина, с которыми он гулял накануне в Филине, нет ли у них родственников или друзей Кузовлёва», – решил Евгений. На КПП показал отмеченный командиром пропуск и вышел. Сделал десятка два шагов и остановился. Он только что прошёл мимо двух женщин в форме. Они оживлённо беседовали. «Болтушки-хохотушки», – мигом оценил их Знарок. Повернул обратно.

– Милые дамы! Очень приятно видеть, что женщины-военнослужащие не только серьёзны в работе и жизни, а в придачу ещё и веселые, задорные, жизнерадостные! Сразу видно, что счастливые! Если хотите, можете стать ещё и довольно известными.

– Какой любезный кавалер! – воскликнула брюнетка.

– На знакомство спрашиваетесь? – озорно спросила рыжеволосая.

– Девушки-красавицы! Я бы с удовольствием, да вы наверняка заняты. А от приятной беседы не отказался бы.

– Приятная беседа хороша в уютной обстановке, а не в шумном месте, – улыбнулась шатенка, затем прищурила глаза и неожиданно спросила: – И какой же военный секрет желаете выведать?!

– Секрет вашей привлекательности!

– Вообще-то мы серьёзно спрашиваем, что вам нужно? – поменяла тон на деловой брюнетка.

– А он, наверное, режиссёр, раз предлагает сделать известными, – предположила рыженькая.

– На режиссёра я не похож, приглядитесь внимательней. Я – журналист. Хотел предложить вам написать о вас очерк в газету.

– А мы ничего особенного собой не представляем, – заявила брюнетка.

– Что ж вы прибедняетесь!

– Да нам без разрешения руководства не положено, – с сожалением заметила шатенка. – Как видите, не получается беседа.

– Спасибо уже за то, что приветливо ответили. Может, окажете маленькую любезность: где я могу встретить майора Кузовлёва? – спросил Евгений непринуждённо, чтобы скрыть большую заинтересованность.

Шатенка ответила незамедлительно:

– А он в отпуске.

– Вот как? А не знаете ли, собирался он куда-нибудь далеко уехать?

– Вряд ли – он заядлый рыбак!

Брюнетка молчала, лишь чуть нахмурила брови. «Возможно недовольна болтливостью подруги», – подумал Знакомец и сказал на прощанье:

– Спасибо, девушки! Приходите в редакцию... когда начальство разрешит. – Решил пошутить напоследок.

– А как газета называется, – услышал вдогонку.

– Вестник, – ответил, слегка обернувшись.

– А, так это у вас работает Знакомец? – поинтересовалась рыженькая.

– Да, я работаю у нас.

– Ой! – удивлённо воскликнула одна из них.

Евгений остановился, повернулся и приветливо без слов помахал рукой.

9. Рябина

Василий Михайлович давно просрочил запрошенную неделю. Заведующий лабораторией не напоминал, а сам Василий вовсе забыл о днях – он просто не обращал внимание на даты, дни недели, мог прийти на работу в выходные и праздничные дни. Учёный сидел днями в опустевшем здании. Просматривал и скрупулёзно проверял результаты своих разработок. Понимал, что делает это напрасно: теоретически ошибок не было, а что покажет практика – вопрос времени... и сложившихся обстоятельств. «От Евгения нет никаких известий, может, самому ещё что-то предпринять, – постоянно думал учёный. – Только, что?!»

Захар Леонидович тоже ничего не спрашивал, не информировал, не давал указаний. Так что время превратилось для Василия Михайловича в бесконечно тягучую субстанцию. «Так недалеко и до нервного срыва», – рассуждал он вслух однажды дома.

– Предлагаю съездить в дом отдыха, – сказала ласково жена Маша.

– Так ведь зима на носу. Какой там отдых!

– Прогулки по заснеженному лесу, оздоравливающие процедуры, общение с новыми знакомыми.

– Да мне, как бы, и некогда сейчас.

– Ой, ой! Какой занятой! Я же вижу, как маешься толи от безделья, толи от неопределённости. Что случилось у вас там?

– Нет, нет – ничего не произошло. – Василий настолько поспешно заверил жену, что она понимающе усмехнулась.

– Съездим, дорогой, и не спорь!

«Может, действительно лучше отдохнуть?! – согласился мысленно Василий, а жене сказал:

– Придётся подчиниться, потому что понимаю необходимость развлечь тебя.

Маша только покачивала головой в ответ на ребячливость мужа.

Санаторий располагался в лесу неподалеку от дачного массива и всего в ста километрах от своего города. Василию даже понравилась отстранённость от повседневных тягостных дум. Процедуры и прогулки делали своё дело: самочувствие и настроение радовали.

Однажды Глазковы забрели подальше от привычного маршрута. Услышали звуки гитары и голос – направились в ту сторону. На тропинках снег плотный – много гуляющих, а здесь, на лесной поляне, растелился белый ковёр толщиной сантиметров десять. Снег попадал в обувь, но весёлый настрой позволял не обращать внимание на неудобные обстоятельства. Две рябины, усыпанные ягодами, собрали возле себя небольшую компанию. Мужчина лет сорока пел приятным голосом и сам же играл на гитаре. Несколько молодых людей слушали, затаив дыхание. Окружающая обстановка великолепным образом усиливала впечатление от этой красивой песни.

Скажи мне рябина, рябина, рябина,

Кого ты любила, любила, любила?

Кого ты забыла? Когда это было...

Слушатели взглянули на подошедших, приятно улыбнулись, приглашая этим присоединиться к чудодейственному мероприятию. Когда песня закончилась, исполнителю дружно аплодировали. В ответ на «спасибо за песню» мужчина с благодарностью преклонил голову, оглядел всех и молча пошёл куда-то. Маша сказала вслух:

– А глаза у него грустные.

– Вы думаете? – не согласилась девушка с красным шарфом.

– Я вижу! – подтвердила Маша.

На этом разговор закончился. Молодёжь шумно поспешили навстречу новым впечатлениям. Василий сорвал несколько ягод, подержал их на ладони.

– Маш, ты всё знаешь. Кто авторы этой песни?

– Шаинский и Харитонов, кажется. Обычная песня, каких очень много. Просто здесь в лесу она зазвучала впечатляюще – эффект пять дэ.

– Не только в лесу. Я её раньше не слышал. Она произвела на меня такое впечатление, каких давно не знал.

– Что бы ты знал со своей наукой?! Только ею и живёшь.

– Пожалуй, ты права. – Василий приобнял её за плечи и повёл на тропинку.

Долго бродили по лесу. Тропинки куда-то подевались. Места оказались незнакомыми.

– Заблудились, что ли? – предположил он.

– Где здесь блудить? Вон строения видны, – уверенно сказала она. Пошли к строениям. – Так это ж дачный посёлок, – узнала Маша. – Мы не в ту сторону пошли от рябины. Подойдем к дачам, а оттуда я представляю, как идти к санаторию...

Ворота в заборе, окружающем массив, широко распахнуты – видимо, сторож на день открывает. Пошли по улице. Когда впереди появился тупик, свернули на другую, затем ещё – на более широкую, асфальтированную. Маша остановилась, а Василий через десяток метров заметил её отсутствие рядом и резко оглянулся. Но прежде выкрикнул:

– Маша?!

Жена вздрогнула.

– Чего пугаешь?!

Он вернулся к ней.

– Устала?

– Нет. Смотри, какие странные следы. Будто кто-то шёл на четвереньках. Отпечатки и ног, и ладоней.

– Пьяный домой возвращался от соседей, вот и всё объяснение.

Посмеялись и пошли искать дорогу в санаторий.

В столовой санатория к Глазковым за столик посадили нового отдыхающего. Маша нашла в нём хорошего собеседника. Виктор оказался весёлым и разговорчивым, не смотря на его увлечение – рыбалку, которое любит тишину, как известно не только рыбакам.

– Извините, вы один приехали, или с... подругой? – поинтересовалась Маша в самом начале знакомства.

– Один. Подруга сюда не захотела, – откровенно признался Виктор.

«Значит, подруга, всё-таки – не жена», – тут же сделала вывод женская логика. – «Впрочем, вслух ничего подобного говорить не следует», – подсказала та же логика. Маша продолжила разговор иначе:

– Поехали бы с ней на море, или в туристический круиз!

– Да не могу я никуда уезжать. Рыбалка на носу! Вот-вот лёд окрепнет.

– Лёд окрепнет через месяц, не раньше, – вступил в разговор Василий.

– Ничего, подожду.

Глазковы переглянулись, и Маша не вытерпела:

– За месяц можно полмира объехать.

– Я же вдали места себе не найду!

– И отпуск закончится, – продолжила женщина гнуть свою линию.

– Отпуск большой – ещё месяц останется.

– Где ж такие отпуска дают? – всерьёз удивился Василий.

– Известно где – в авиации.

– Мне, признаться, не было известно, – не постеснялся своей наивности учёный.

Виктора развеселило заявление соседа, но посмеиваться, по своему обыкновению, не стал, а просто объяснил:

– Привычка у меня такая – вставлять при всяком подходящем случае фразу «известно где». Позаимствовал у Чехова. – Василий никак не отреагировал, поэтому авиатор уточнил: – «Какое такое правление в Турции? – Известно, какое – турецкое». Вспомнили?

– А-а, да... – запоздало осенило Глазкова, – экзамен сдавал почтовый служащий.

– Верно... Замечательный писатель Антон Павлович. Люблю читать и перечитывать.

– Что вы в авиации делаете? – поинтересовалась Мария.

– Летаю на вертолётах. Командир. Майор. Военный, – отрапортовал Виктор чётко, но и с задором.

После обеда раскланялись. Виктор быстро покинул столовую, Василий поджидал Машу у входа – она задержалась у столика администратора.

– Что там? – задал краткий вопрос муж, а жена также ёмко ответила:

– Кузовлёв.

10. Тупик

Арина вернулась с обеденного перерыва с опозданием. Марина поспешила сообщить:

– Тебя давно ожидает странный старичок.

– Почему именно я нужна? Сама разве не могла поговорить? И в чём странность?

– Поговорила. Лагунков. Сказал, что вы знакомы. Хочет сообщить интересный факт по твоему вопросу, точнее – по вашему общему делу.

– Он, случайно, не стихи свои принёс?

– Вот как – поэт. Стихи общим делом не назовёшь. Так что ступай, разбирайся. Сидит в приёмной, – кратко отчеканила Марина и упорхнула со свойственной ей легкостью в движениях и манере поведения.

Дачного знакомого Арина узнала лишь когда он повернул голову, услышав её шаги – настолько преобразился внешне: сбрил бороду и усы, оделся нарядно.

– Здравствуй, Трофим!

– Доброго здоровья! – с поклоном поприветствовал Лагунков. – В руках он зажал тетрадь, и Арина подумала, что речь пойдёт именно о поэзии. – Я что пришёл-то? Ты тогда дом осматривала, на который я тебе указывал? Дом тот, на самом деле, оказался Елинский, – не дождался ответа и начал рассказывать он. – Так глядела кругом, или нет?

– Смотрела.

– Что заметила.

– Пусто там. Только мыши завелись – дыра в здании.

– Вот! Дыра, да не простая! Мыши такую не прогрызут! Им небольшой хватает.

– Значит, другие грызуны, покрупнее, – уверенно заявила Арина.

– Не водится на наших дачах никакой другой живности. Зверьё больше к санаторию лезет, что недалеко от дач располагается. Там пищевых отходов много.

– И что вы предполагаете? Почему это вас так удивило, что решили поделиться?

– Видишь ли, дочка, я, грешным делом, подумал: может, он там мёртвый лежит, а хищник какой-нибудь учуял и собирается того... загрызть. Ежели я заявлю в полицию – на смех поднимут. Скажут, мало ли что померещилось старику! А ты – власть, всё же.

– Хорошо. Я посоветуюсь с руководством, и мы обязательно сообщим ваши предположения. Тем более, что Елин – личность известная, – заверила Арина.

– Я вот ещё что... – Тетрадь, зажата в двух руках, заёрзала. – Стишки мои посмотришь? Хочется хоть раз в жизни отметить в печати.

Арина с улыбкой приняла тетрадь.

– Зайдите недели через две.

– Тогда до свидания! Не смею более задерживать! – Трофим откланялся и ушёл.

Арина вспомнила Евгения – он давно не появлялся в редакции. Сейчас хотелось бы с ним посоветоваться. «Он пробивной и везучий», – подумала она.

Знакомец не смог найти Кузовлёва – вертолётчик, по словам подруги жизни, отдыхает в санатории. Тогда Евгений решил переключиться на друзей Елина. Но прежде следовало зайти в редакцию – ищут, небось.

– О, как ты вовремя, – встретила его Арина.

Евгений выслушал новости заинтересованно, что отразилось на лбу и в глазах. Отметился в кабинете главного редактора и начал названивать по телефонам знакомых Елина. Чтобы найти эти номера, пришлось потрудиться и наладить контакты в сотовых компаниях. Евгений понимал, что следует быть осторожным в разговоре, чтобы не спугнуть непродуманным вопро-

сом. За два часа добился лишь того, что один человек согласился встретиться, и то на условии обещанной журналистом свежей информации о пропавшем.

Вспомнил об учёном. «Глазков, вроде?» – нашёл в блокноте номер его телефона.

– Василий Михайлович?

– Да, слушаю.

– Здравствуйте! Я – Евгений, Знакомец.

– Добрый день! Рад услышать! С нетерпением ждал.

– Хочу встретиться, есть о чём рассказать.

– Конечно, с удовольствием! Только я не дома. Мы с женой отдыхаем в санатории.

– Вот как?! И за сколько тысяч вёрст от дома?

– Почти рядом, в нашей же области. Санаторий «Рябинушка».

– Тогда я к вам приеду, не сегодня – так завтра.

После разговора с учёным собрался вновь расспросить Арину о дачах: вроде она упоминала о «Рябинушке». Только Арина сама подошла к Евгению.

– Я говорила с руководством о даче Елина. Говорят, что смешно беспокоить прокуратуру из-за мышиных дыр. Давай прогуляемся туда. Тебе ещё не дали задания?

– Нет ещё. Поехали! Мне как раз нужно в «Рябинушку». Сначала побываем в санатории, а уж потом отправимся на дачи.

Евгений не стал рассказывать Арине о секрете Глазкова. Он сам управлял служебным автомобилем – водителя не взяли. Поэтому можно было больше молчать и слушать коллегу. Новостей у Арины накопилось много. Знакомец с любопытством слушал: любил вникать во всё – профессиональная привычка.

Навигатор привёл их прямо к главному корпусу. Забора или иного ограждения не было. Вышли из машины и сразу оказались, как в городе, в массе гуляющих. Вместе обратились в регистратуру, узнали где найти Глазкова.

– Арина, сейчас мы разделимся: я – к своему знакомому, а ты займись, чем хочешь.

– Ладно.

– Хотя, стой!

– Стою, не падаю.

– Пойдём вместе. Он с женой обычно гуляет, как сказали мне. Ты побеседуешь с супругой, а мы уединимся для секретного разговора.

Глазковых определили издали журналистским чутьём и не ошиблись. После взаимных приветствий разошлись по разным дорожкам.

– Василий Михайлович, а вы почему именно в этом санатории решили отдыхать?

– Какой жена выбрала, в такой и поехали.

– То есть, не специально?

– Нет.

– А я предположил, что из-за соседства дачного посёлка.

– Да мы про эти дачи лишь недавно узнали – набрали случайно.

– А, между прочим, там нашлась дача Елина.

– Вот как?! – с неподдельным изумлением воскликнул учёный.

– Выходит, вы ничего нового про Елина не знаете?

– Выходит, что не выходит узнать что-то! – Глазков остановился, лицо его преобразилось в ожидании. – Вы, наверное, потому приехали, что у вас появились новости?

– К сожалению, ничего существенного пока нет. Разбираюсь кое в чём. – Некоторое время шли молча. Журналист решил переключить тему. – Как вам отдыхается? Что интересного здесь?

– Народу много, но шумного веселья нет. Мне это по нраву. Гуляем вдвоём. А для разнообразия общаемся с одним интересным рассказчиком. Он вертолётчик, и каких только приключений у него не было!

– У меня тоже есть знакомые вертолётчики, – приукрасил действительность Евгений, – возможно, вашего знаю.

– У нашего фамилия Кузовлёв.

Привыкший ко всему Знакомец всё же вздрогнул от такого необычного совпадения, по сути – счастливого.

– Василий Михайлович, мне хотелось бы поговорить с ним. Можете организовать?

Василий отнёсся к просьбе почти равнодушно, не заподозрив повышенного интереса журналиста. Посмотрел на часы.

– В это время его можно найти в бильярдной. Пойдёмте!

Кузовлёв действительно нашёлся в бильярдной. Он не играл, а наблюдал в числе десятка других, ждущих своей очереди. Приглашение побеседовать с газетчиком принял с интересом. Познакомились.

– Евгений, фамилию не называю, так как известен больше по псевдониму Знакомец.

– А я – Виктор. Кузовлёв. Если желаете интервью взять, то предупреждаю: я военнослужащий и темы разговора ограничены.

– Нет, что вы! Просто неофициально поболтать. По-дружески. Мне просто интересно узнавать людей разных профессий. Прогуляемся? – пригласил Евгений по возможности равнодушным тоном. Однако, заметил едва уловимое напряжение на лице человека с волевым характером (иначе – какой же он лётчик!); эта настороженность умело маскировалось.

– Ради любопытства, в горячих точках бывали? – задал необдуманный вопрос Знакомец.

– Нет, не приходилось, – толи соврал, толи скрыл наполовину новый знакомый Евгения.

– Я потому спросил, что, по моему мнению, не может же военная авиация только тренироваться и обучаться. А как же практика?

– До практики, слава богу, не доходит. И это ж здорово. Без войн и конфликтов куда радостнее жить.

«М-да, – подумал журналист, – говорит так, будто перед ним зал во время торжественных заседаний по случаю красной даты». – От этой мысли родилась другая: «К чёрту дипломатию!»

– Я не буду и не хочу выведывать и военные, и ваши личные тайны. Я сейчас – не журналист, а обычный гражданин, который хочет знать ответ на один вопрос. Этот ответ останется внутри меня, не буду делиться с кем-то ещё. И вам, майор лучше ответить. А вопрос такой: к вам ещё раз обратились с просьбой доставить куда-нибудь Елина, после того, как вы его забросили в тайгу?

Виктор думал недолго – лётчики умеют быстро принимать решения. Кузовлёв прокрутил мысленно логическую цепочку: «Если журналист знает моё воинское звание, а я его не называл, значит информирован основательно».

– Нет, – ответил вертолётчик твёрдо и убедительно.

Знакомца ответ удовлетворил.

– И на том спасибо, – сказал он.

Оба решили, что разговор окончен, и повернулись, чтобы разойтись. Вскоре Евгений услышал:

– Пойдите!

Развернулись и сделали по несколько шагов навстречу.

– Меня тогда неправильно информировали, по сути – обманули. Вроде как этот Елин обещал быть на встрече с избирателями, а сам напился, и что его ждут помощники там в тайге. Попросили по пути подбросить. Друзья попросили. Мы как раз маршрутный полёт выполняли, и где сели – никакой радар не зафиксировал. Согласился помочь... Интересно было бы узнать,

какой болтун есть в штабе?! Ведь, откуда-то узнали друзья Елина, что я лечу в дальний маршрут.

– Ещё раз спасибо! Только сейчас этот факт не имеет никакого значения. Из тайги Елин вернулся невредимый. А исчез он гораздо позже.

– Исчез?

– Да. Я ведь подумал, что вы могли быть в уговоре с Елиным, и увезти его ещё раз, куда попросит. Но вижу, что вы ни при чём.

На прощание искренне дружелюбно пожали руки.

Знакомец нашёл Арину в компании Глазковых.

– Уважаемые дамы, разрешите посекретничать с вашим кавалером ещё несколько минут.

– Забирайте, – сказала Мария. Арина же пожала плечами, недовольная скрытностью Евгения.

Мужчины отошли на приличное расстояние, прежде чем начать разговор.

– Михаил Васильевич, я открою вам тайну одного человека, впрочем, это уже только секрет, в обмен на то, что вы откроете мне свою тайну. Она тоже превратится в секрет. Но только для нас двоих. Мы оба желаем разобраться с ситуацией вокруг Елина, поэтому, если сказали «а» – надо говорить и «бэ». Именно этот вертолётчик забросил депутата в тайгу. О его странном вояже писали в газете, и не в одной. Вы же знаете об этом?

– Так это ж когда было, ещё до эксперимента!

– Я сейчас расспрашивал Кузовлёва, не увёз ли он Елина вновь куда-нибудь. Отрицает. Я поверил ему... Теперь про дачи. Здесь нашли дом, принадлежащий Елину. Арина осматривала его заметила странность: большая дыра под дверью. Вроде мелочь – подумаешь, мыши прогрызли. Приезжал в редакцию старик, проживающий неподалеку от того дома. Говорит, что это не мыши, как бы не загрызли мёртвого Елина более крупные хищники. Вот я и приехал за двумя зайцами: выведать у Кузовлёва и спросить у вас про дом Елина, не были ли вы там, случайно.

Василий через минуту раздумья встрепенулся:

– Как я говорил, мы во время прогулки слегка заблудились и попали на эти дачи. Когда искали дорогу, вышли на асфальтированную улицу. Маша внимательней, чем я, и заметила на дороге странные следы. Мы ещё посмеялись.

– Что за следы?

– Человек шёл на четвереньках. Отпечатки ног и ладоней. Только сейчас до меня дошло, что пальцы нелепо скрюченные – нормальные люди так не ходят. Я тогда сказал Маше, мол пьяный возвращался из гостей.

– Это посторонний эпизод, к нашему расследованию отношения не имеет. Предлагаю вместе проехать на злополучную дачу. Может, там не обнаружим ничего, что указывало бы на присутствие Елина в последнее время, точнее – после его пропажи... из общественной жизни. Согласны?

– Конечно.

– Хорошо, но сначала кое-что уточним. Вернёмся к началу разговора. Что за эксперимент, о котором вы упомянули уже дважды: во время первой нашей беседы в парке и сейчас? Михаил Васильевич, наступил, как говорится, момент истины. Выкладывайте всё без утайки.

Глазков пытался сосредоточиться и решится на откровение. Пытливый взгляд журналиста не отпускал его. «Никуда не денешься!» – сдалось сознание.

– Всё началось с Сэра Фили, – начал Василий своё безрадостное откровение...

Знакомец слушал без эмоций, только одна бровь порой поднималась вверх, и это сбивало с мысленного плана, так что рассказ получился путанным. Когда Евгений услышал об истинном значении слова «эксперимент» в этой конкретной ситуации, то его невозмутимое лицо

резко преобразилось, он застыл с открытым ртом, сжал пальцами лицо, словно скрываясь от дико нелепой новости.

– Так это... невесть во что... – заговорил ошарашенный журналист.

– Я потому и вспомнил про следы... – начал и замолчал Глазков.

– Что он может так передвигаться – продолжил за Василия Евгений.

– Для него подобная манера ходьбы может стать обыкновением... в результате подмены программы в участке мозга.

– А ещё какие программы могут поменяться? Вы прогнозировали, когда замыслили с собакой?

– И да, и нет... Вы сдадите меня? – вдруг забеспокоился учёный.

– Вы сами сдадите себя, если сочтёте необходимым. Если на то будут основания. А пока поедем на дачу. Посмотрим и решим, стоит ли сообщать в полицию или прокуратуру. Скорей всего, никто не загрыз Елина. Он сам может загрызть... возможно. – Каждое слово журналиста, как удар молота плющило психику Василия. Знакомец заметил угнетённое состояние собеседника и приободрил: – Василий Михайлович, не раскисайте! Вы не совершали преступления. Ваш поступок можно назвать непреднамеренным экспериментом, совершённым в состоянии аффекта. Всё! Хватит говорить. Поедем.

Знакомец, Арина, Глазковы и Лагунков обошли вокруг дачи Елина. Трофима не приглашали – он сам присоединился. Сознался, что несколько дней поджидает и высматривает. Снегу значительно прибавилось. Шли, проваливаясь в белой перине.

– Последние два дня выюжило. Надо было раньше приезжать, тогда бы следы рассмотрели, – отметил дачник.

– Но вы же ходили сюда, наверное, ежедневно, раз обеспокоились и сообщили нам? – спросил Евгений

– Ходил. Тут такое дело... других следов много, собачьих в том числе. Запутано.

– Будем ломать замок! – решил журналист.

– Я как раз ломик припас для этой цели, – засуетился Трофим и достал из-под крыльца свой инструмент.

– Минутку! – остановила Арина, – будем считать, что вскрытие жилища происходило в присутствии понятых.

– Кого? – тут же поинтересовался Лагунков.

– Понятые – это я и Василий Михайлович.

– А мы с Трофимом – взломщики! – театрально заявил Евгений и подмигнул Арине.

– Так... стало быть... того, – забеспокоился старик, поглядел на Марию, словно ища у неё поддержку. – Меня тоже считайте понятым.

– Понятые тоже расписываются и несут ответственность, – вновь подзадорил Знакомец. Арина толкнула его в бок, чтоб не донимал пожилого человека. Но Евгений ещё больше разошёлся:

– С богом! – И рванул замок. В результате выскочила петля из двери. – Знакомец приоткрыл дверь, оглянулся. – Сначала я один зайду. На всякий случай, чтобы возможные следы преступления не затоптать. – Трофим, стоящий позади всех, опасливо попятился.

Через несколько минут журналист позвал остальных. Вчетвером осмотрели богатое убранство не слишком большого, но достаточно уютного и роскошного жилища. Трофим выглядел разочарованным и поспешил удалиться со словами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.